

Т.Л. Мусатова (Москва, Россия)

Гоголь и Данте как мыслители

Аннотация: Философская традиция всегда уживалась в сознании Гоголя с традицией литературной. Данте Алигьери, не только поэт, но и философ и богослов, занял одно из главных мест в творчестве Гоголя в петербургский период и особенно в годы жизни в Италии в 1837–1848 гг. Работая в Риме над «Мертвыми душами», писатель все больше проникал в мир Данте-мыслителя и богослова, испытал, по всей видимости, воздействие по трем направлениям. 1. Трихотомия «Мертвых душ». Первый том поэмы за рубежом нередко называют «дантовским». Однако прототипом могли послужить не только «Божественная комедия», но и путешествие монаха Альгерика из латинской рукописи XII в., философия Ф. Шеллинга, «Человеческая комедия» О. де Бальзака, наконец, догма православия, что наиболее вероятно для Гоголя-христианина. 2. Теория русской монархии. Отталкиваясь от дантовских монархических взглядов (прежде всего «Монархии»), Гоголь дошел до их корней библейского, византийского толка, прибавил к этому идеи французских моралистов XVII в., А.С. Пушкина и митрополита Филарета. В результате получилась гоголевская теория сакрально-абсолютистского царства, в основе которой дантовский принцип разделения светской и духовной власти. 3. Нравственность. При написании первого тома поэмы Гоголь исходил из духовного наследия Возрождения и Нового времени, а также Французского Просвещения. На позднем этапе, связанном с религиозными исканиями, Гоголь не смог при написании второго тома «Мертвых душ» последовать путями спасения литературных героев в духе Данте. Настигнутый кончиной в Москве в 1952 г., он не успел расставить все точки над *i*. Тем не менее писатель не отказался от своей обычной (и дантовской) мысли о божественной природе больших талантов и их избранности, и это открывает поле для дальнейших многообещающих исследований и выводов.

Ключевые слова: Данте, Гоголь, Чистилище, Рим, Санкт-Петербург, богословие, Возрождение, император, философия, св. отцы

Gogol and Dante as Thinkers

Abstract: The philosophical tradition has always coexisted in Gogol's mind with the literary one. Dante Alighieri, poet, but a philosopher and theologian as well, took one of the main places in Gogol's creation in St. Petersburg and especially during the years in Italy in 1837–1848. Working in Rome on “Dead Souls”, the writer more and more penetrated the world of Dante as a thinker and theologian, having experienced, apparently, the impact in three main directions. 1. Trichotomy of “Dead Souls”. Volume 1 of the poem is often called abroad “Russian Dante Comedy”. However, the prototype could be not only the “Divine Comedy”, but also the journey of the monk Algeric from the 12th century Latin manuscript, the philosophy of F. Schelling, The “Human Comedy” by O. de Balzac, and finally, the dogma of Orthodoxy, which is most likely for the Gogol Christian believer. 2. The theory of the Russian monarchy. Based on the Dantian monarchist views (first on “Monarchy”), Gogol reached their roots of the biblical, Byzantine sense, added to this the ideas of the French moralists of the 17th century, A.S. Pushkin's and Metropolitan Philaret's ideas. The result was the own Gogolian theory of the sacred-absolutist kingdom, also based on the Dantian principle of the separation of secular and spiritual power. 3. Morality. When writing the first volume of the poem, Gogol proceeded from the spiritual heritage of the Renaissance and the New Age, as well as the French Enlightenment. At a late stage related to religious quests, Gogol could not, when writing 2 volume of “Dead Souls”, follow the paths of Salvation of literary heroes in the spirit of Dante. Caught up by his death in Moscow in 1952, he did not manage to fully comprehend the idea and dot all i. Nevertheless, Gogol did not abandon his usual (and Dante's) thought about the divine nature of great talents and their chosenness. Nevertheless, the fact that in his search he made a start from Dante is crucial and opens a field for further promising discoveries.

Key words: Dante, Gogol, Purgatory, Rome, St. Petersburg, theology, Renaissance, emperor, philosophy, St. fathers

Ю. В. Манн, известный знаток творчества Н. В. Гоголя, справедливо подметил, что философская традиция всегда взаимодействовала в сознании Гоголя с традицией литературной¹. Данте Алигьери, поэт, философ и богослов, занял одно из главных мест в мире Гоголя, всегда обращавшегося к произведениям Алигьери, содержащим высокий философский смысл.

Тема «Гоголь и Данте» является одной из самых значимых в отечественном литературоведении, дантовским исследованиям посвящено немало трудов, однако многое еще остается дополнить, уточнить и даже открыть заново...

Гоголь жил в Италии с 1837 по 1848 г., неоднократно выезжая то в «другие края Европы», то в Россию, но всякий раз возвращаясь, пока позволяли обстоятельства. Постепенно из поклонника Алигьери он превратился в подлинного знатока и последователя его творчества. Разумеется, речь идет не о плагиате, а о творческой переработке дантовских идей и структурных построений. Гоголевские сочинения итальянского периода совершенно автономны и по тематике абсолютно русские, и если

¹ Манн Ю. Поэтика Гоголя. Вариации к теме. М., 1996. С. 326.

мы называем их «гоголевскими», то подразумеваем именно их самостоятельность и самобытность. В Риме была написана, прежде всего, первая часть поэмы «Мертвые души» (МД) и сохранившиеся фрагменты второго тома поэмы, отчасти религиозно-публицистическое произведение «Выбранные места из переписки с друзьями» (1847), а также в какой-то мере брошюра «Размышления о Божественной Литургии».

Гоголевские годы в Италии были тревожными, в воздухе витало предчувствие революции 1848 г., а также неотвратимости «Объединения» страны (Рисорджименто) под властью светского монарха, поскольку папы упорно отказывались возглавить борьбу населения против австрийского засилья. Теократическая монархия стояла на краю пропасти, до переломного момента в истории Папской области (1861 и 1871 гг.), когда на смену «временной власти» пап пришла туринская династия Савойя, оставалось менее тридцати лет. Рим представлялся иностранцам-путешественникам как патриархальный, неопрятный, несмотря на великолепие памятников, город, где ни один праздник не обходился без едких шуток и сатирических зарисовок папской курии. Они содержались в ходивших по рукам сонетах Дж.Дж. Белли, рукописных работах Дж. Джустини и пр.

Приехав в Рим весной 1837 г., Гоголь, как и всякий русский, был настроен на красоту, он любовался вечным городом как романтический эстет и гуманист петербургского «пошива». Писатель превозносил поначалу пап, отстаивавших христианство в Европе, а также Рим с его великолепными творениями архитектуры и искусства. Писатель надеялся, что красота поможет ему завершить работу над первым томом поэмы (была начата в Петербурге и закончена в Риме в 1841 г.), зарядив его не только вдохновением, но и новыми идеями. И такие идеи быстро появились, как только он начал учить итальянский, пользуясь, очевидно, как и все другие русские, «Божественной комедией» (БК) Данте.

Именем Данте был буквально пропитан воздух предреволюционной Италии. Все римские прогрессисты обращались к флорентийскому гению, о нем много писал Джузеппе Мадзини, литератор по университетскому образованию, одна из центральных фигур итальянского Рисорджименто. Трудно представить, сколь огромна была тогда популярность БК. Только в 1837 г. это произведение выдержало одно издание в Риме, три во Флоренции, по одному в Милане, Венеции, Монсе (тогда итальянском городе) и Палермо, т. е. восемь изданий. Причем в период пребывания Гоголя в Италии не проходило и года без переиздания этого шедевра¹.

Исследования творчества Данте стали заметным явлением также в России в первой половине 1830-х гг. (подробнее об этом см. в отечественной печатной литературе²). Причем местные представления о главных дантовских сочинениях складыва-

¹ При жизни Гоголя в Италии вышли, в частности, следующие собрания сочинений Данте: *Opere minori di Dante Alighieri*. Firenze, 1839; *Dante Alighieri. De Monarchia libri III*. Firenze, 1841; *Delle prose e delle poesie liriche di Dante Alighieri*. 1844; *Opera complete [di Dante Alighieri]*. A cura di S. Rehal. P., 1843. Были выпущены также монографии о Данте: *Bellezze della Divina Commedia di Dante Alighieri*. Dialoghi di Antonio Cesari P d.o. Verona: P. Libanti, 1824–1826.; а также: *Foscolo U. Discorso sul testo e sulle opinioni diverse prevalenti intorno la storia e alla emendazione critica della D.C. di D. Londra*, 1825; *Giberti V. Del primato morale e civile degli italiani*. Bruxelles, 1842; *Memorie intorno la vita di D. Alighieri scritta da un italiano vivente*. Firenze, 1844; *Colomb de Batines P. Bibliografia dantesca*. 2 vol. Prato, 1845–1846; *Chiose alla cantica dell'Inferno di Iacopo Alighieri*. A cura di Lord Vernon. Firenze, 1848; *Comento di Pietro Alighieri*. A cura di V. Nannucci. Firenze, 1845; *L'Ottimo Comento*. A cura di A. Torri. Pisa, 1827–1829; *Vita nuova*. A cura di E.J. Delecluze. P., 1841. Среди современных изданий: *Enciclopedia dantesca. Bibliografia. Lingua e Stile. Opere*. Istituto Giovanni Treccani. Roma, [1984]; *Chimenz Siro A. Alighieri, Dante // Dizionario biografico degli italiani*.

² *Голенищев-Кутузов И.Н. Данте в России // Голенищев-Кутузов И.Н. Творчество Данте и мировая культура*. М., 1971. С. 454–486.

лись под воздействием напряженной обстановки в отношениях между двумя дворами: Санкт-Петербурга и Св. Престола – и не были, да и не могли быть целостными. В обстановке межцерковных противоречий, усугубившихся под воздействием поражения Польского восстания 1830–1831 гг., Папский двор стоял на стороне польских католиков, что абсолютно не устраивало Россию. Не случайно, что отечественная цензура переносила внимание читающей публики на социально-политическую сторону дантовского творчества, на его критику папской власти. «Ад» и «Чистилище» из БК, «Монархия», «Новая жизнь» – вот в основном те сочинения Данте, которые были доступны в Петербурге, хотя не всегда они были переведены на русский язык. В Риме же «Монархия» числилась в «Индексе запрещенных произведений» Ватикана (хотя в 1841 г. она была опубликована в Тоскане), и это сильно сужало цензурное разрешение в отношении Данте по сравнению с Петербургом.

Гоголь шел в фарватере интересов русской публики и в то же время стремился постигнуть творчество Данте по оригинальным источникам. Впервые он услышал имя гениального поэта Флоренции в годы учебы в Нежинской гимназии высших наук, а после переезда в 1829 г. в Петербург, в общении с А.С. Пушкиным, узнал много нового и потом постоянно обогащал свои знания. «Суровые терцины Данте внушали ему (Пушкину. – Т.М.) мысль в таких же терцинах и в духе самого Данте изобразить поэтическое младенчество свое в Царском Селе, олицетворить науку <...> и себя в виде школьника» (VIII, 384)¹.

О том, что к середине 1830-х гг. Гоголь прочитал БК по-итальянски, свидетельствуют «Наброски и заметки по истории Древнего мира» (IX, 233), подготовленные во время краткого его преподавания в Санкт-Петербургском университете. Полный текст БК можно было найти в то время в библиотеках А.С. Пушкина, В.А. Жуковского, П.Я. Чаадаева и др.² Возможно, писатель держал в руках «Монархию», хотя нигде об этом не сказано. В упомянутых «Набросках» имеется комментарий к дантовскому восприятию истории Тосканы с ее революциями и заговорами: «Дант сравнивает <ее> с больным, который, не находя покоя, думает себя облегчить, перемещая беспрестанно положение в своей кровати (смотри Чистилище, песнь 6, E si ben ti ricordi <...>, etc.)» (IX, 233). В этом высказывании человека, готовившего университетские лекции по всеобщей истории, заключена оценка дантовского текста с позиций не писателя и лирика, а историка. Кроме того, здесь же имеется доказательство того, что уже в Петербурге Гоголь изучал итальянский и мог читать по-итальянски. Хотя знания письменного итальянского были еще недостаточны и явно уступали владению французским, о чем свидетельствует тот факт, что «и т. д.» Гоголь приписал по-французски.

Среди первых дантоведов России был друг писателя, профессор русской литературы Московского университета, критик и поэт С.П. Шевырев. В 1833–1834 гг. он опубликовал работу «Дант и его век», написанную на основе диссертации³. В 1838 г.

¹ Здесь и далее ссылка на том и страницу: *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч. / Гл. ред. чл.-кор. АН СССР Н.Л. Мещеряков; Акад. наук СССР. Ин-т лит-ры (Пушкинский дом). М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1937–1952.

² Отрывочные переводы на русский язык из Данте, особенно из «Ада», были сделаны в России во второй половине XVIII в. В 1823–1827 гг. в «Сыне Отечества» вышли первые переводы, выполненные А. Норовым. В доме Пушкина были отдельные тома перевода Данте на французский язык А. Буттура (Париж, 1823), а также А.Ф. Арто де Монтора (в 9 т., Париж, 1828–1830, прозаический перевод с итальянским текстом) и А. Дешана (Париж, 1829).

³ *Шевырев С.П.* Дант и его век. Исследование о Божественной комедии Адъюнкта-Профессора С. Шевырева // Ученые записки Императорского Московского университета. М., 1833. Ч. II. V. С. 306–363; VI. С. 509–543; 1834. Ч. III. VII. С. 118–180; VIII. С. 336–373; IX. 550–575.

Шевыревым был издан в Москве полный текст «Ада» на итальянском. В 1839 г. он начал переводить «Ад» на русский и в 1843 г. опубликовал две песни из него.

Мало кто обращал до сих пор внимание на тот факт, что среди знатоков произведений флорентийского поэта был князь А.Н. Волконский, сын княгини З.А. Волконской и воспитанник С.П. Шевырева. Княгиня пригласила С.П. Шевырева в Рим в 1829–1831 гг., чтобы подготовить Александра к поступлению в Московский университет. Статья кн. А.Н. Волконского «О Божественной комедии Данта Алигьери»¹, безусловно, не избежавшая обсуждения с С.П. Шевыревым, была опубликована в «Современнике» после гибели Пушкина, в первой книге 5 выпуска за 1837 г. До отъезда за границу в июне 1836 г. Гоголь сотрудничал с этим журналом и, надо полагать, был в курсе издательских планов. Первый номер за 1837 г. он видел в руках А.И. Тургенева за границей, что делает чтение им статьи князя весьма правдоподобным. Ну, а если чтение состоялось не тогда, то позже, поскольку он получал «Современник» через друзей.

Приехав в Рим в марте 1837 г. и засев там за МД, писатель все более и более погружался в мир Алигьери, как поэтический, так и философский. По свидетельству друзей, Гоголь буквально не выпускал томик БК из рук. Первые упоминания о Данте встречаются в гоголевских письмах уже в 1837 г. (XI, 102), с неподдельным интересом следил он за «дантовской деятельностью» С.П. Шевырева. В письме из Вены от 10 сентября 1839 г. читаем: «Ты за Дантом!» И далее: «Не совестно ли тебе, не приложишь в письме двух-трех строк? Клянусь моим честным словом, что желание их прочесть у меня непреодолимое <...>» (XI, 247).

По свидетельству литературного критика П.В. Анненкова, наблюдавшего Гоголя в Риме летом 1841 г., он «только перечитывал любимые места из Данте, Илиады Гнедича и стихотворений Пушкина»². Гоголь к тому моменту уже «стоял на рубеже нового направления, принадлежа двум различным мирам»³: одному – художественному, другому – «строгому исключительному» миру воззрений, влекущему вперед.

В нашей литературе мало известен или совсем неизвестен следующий эпизод. Тесно общаясь в 1830-е гг. с домом Волконских в Риме, прежде всего с княгиней З.А. Волконской, державшей известный в Европе литературно-художественный салон, Гоголь не мог не встретиться там с будущим видным французским литератором и философом Антуаном Фредериком Озанамом (1813–1853). Француз из Милана, он примыкал к группе либеральных католиков во Франции (Ламеннэ, Лакордер, Монталамбер). Княгиня была тесно связана с этим кругом либеральных, «социальных христиан»⁴, и опекаль Озанамом было для нее вполне естественным. Получив образование в Сорбонне, Озанам начал в 1840–1841 гг. преподавать там иностранную литературу. Его отличало то, что, во-первых, он говорил о религии и работал на благо религиозных проектов, оставаясь светским человеком. Так, он стал одним из основателей благотворительного общества Св. Винченцо де'Паоли, целью которого было помогать бедным учащимся. Во-вторых, Озанам

¹ Современник. СПб., 1837. Вып. 5. Т. 1. С. 225–234.

² Анненков П.В. Гоголь в Риме летом 1841 года // Анненков П.В. Литературные воспоминания. М., 1960. С. 273.

³ Анненков П.В. Гоголь в Риме летом 1841 года. С. 273.

⁴ Мусатова Т.Л. Гоголь, З. Волконская и «социальное христианство» // Творчество в диалоге культур. XIV Гоголевские чтения. М.; Новосибирск, 2015. С. 223–232; Мусатова Т.Л. Новая книга о Гоголе в Риме. 1837–1848. Мир писателя, «духовно-дипломатические дела», эстетика, поиски социального служения: В 2 т. Т. 1: В Риме. 1837–1843. М., 2017. С. 96–102, 418–423; Т. 2: Между Римом и «другими краями Европы». 1843–1847. М., 2020. С. 116–129.

занимался Данте. Вот некоторые из его публикаций, вполне вероятно знакомых русскому писателю хотя бы по разговорам: «Данте и католическая философия в XIII веке» (Paris, 1839; 1845), «Эссе о философии Данте» (1845), «Чистилище Данте» (1847). В написании первого труда, суть диссертации Озанама, помогала З.А. Волконская, а Гоголь не только посещал ее салон, но и сотрудничал с ней тогда по литературным делам¹.

Современные итальянские исследователи Данте полагают за аксиому, что Гоголь намеревался одарить русскую литературу чем-то наподобие дантовской трехчастной поэмы, придав каждой из ее составляющих аналогичный «Аду», «Чистилищу» и «Раю» смысл. Так, «Аду» соответствовал первый том МД. Как писал Озанам, Данте решил пуститься в путешествие по всем частям света для того, чтобы понять, в чем же состоит счастье человека. Два других тома МД, обещавшие очищение душ гоголевских литературных героев и надежду на их счастливое будущее, так и остались в мечтах. Как писал известный русист Италии Чезаре Де Микелис, «только “Ад” (и несколько фрагментов из “Чистилища”) остались от русской “Комедии” (т.е. от сожженного второго тома МД. – *Т.М.*), по своему замыслу действительно дантовской»².

Восприятие МД как русской «Комедии» Данте, на наш взгляд, вряд ли вызовет единодушный отклик отечественных исследователей. При всей высочайшей оценке этого сочинения, при той аналогии, которую можно увидеть в путешествии флорентийского поэта, с одной стороны, и Чичикова по России, с другой стороны, вряд ли можно говорить о прямом гоголевском подражании БК. Перед глазами Гоголя проходила вереница произведений подобного плана, к тому же он не искал изображения мучений и жестокостей в духе Средневековья, а ориентировался на духовно-религиозное и душевное восприятие личности, вел поиск живых душ и человечности, чего Данте в его жестокий век, видимо, не доставало.

Начиная с XVIII в. многие филологи думали, что систему разделения БК на ад, чистилище и рай Данте мог позаимствовать из романа о рыцаре Герино ди Дураццо, прозванного *il Meschino* (итал. ‘жалкий’). В вышеупомянутой статье А.Н. Волконский привел еще один пример, который назвал самым правдоподобным прототипом. Это были видения монаха Альберика, взятые из латинской рукописи XII в., сохранившейся в архиве монастыря Монтекассино, где Данте бывал. Там «мучения и радость изложены по ступеням, как в “Божественной комедии”, язычники, патриархи и некрещенные дети равно помещены в преддверие ада...»³. В целом А.Н. Волконский пришел к выводу: «...Гораздо вернее можно сказать, что Дантовы религиозные понятия были всеобщими в его век»⁴.

Влияние на выбор Гоголем тринитарной конструкции МД могло происходить от его знакомства с «алгоритмом» мышления философа Ф. Шеллинга. О том, что писатель был в курсе его учения, говорит множество опосредованных переключек, сопоставлений, полунамёков, хотя точных документальных свидетельств, как это очень часто бывает в гоголеведении, не имеется. В работе «О Данте в философском отношении» (1803) Шеллинг писал: «Расчленение универсума и расположение материала по трем царствам – ада, чистилища ирая, даже независимо от особого значения, которое эти понятия имеют в христианстве, есть общесим-

¹ Мусатова Т.Л. Новая книга о Гоголе в Риме. 1837–1848. Т.2. С. 224–225.

² Encyclopediā Dantesca. Istituto Giovanni Treccani. Vol. III. Roma, 1984. P. 247.

³ Современник. 1837. Вып. 5. Т. 1. С. 229.

⁴ Современник. 1837. Вып. 5. Т. 1. С. 228.

волическая форма, так что непонятно, почему бы каждой значительной эпохе не иметь своей божественной комедии в той же форме»¹.

Тринитарная концепция лежит в основе православного богословия, и для писателя как адепта Вселенской церкви и как православного верующего, она была абсолютно естественна. Это была общехристианская идея, вечная данность, исходящая из Священного Писания. Причем противопоставить триптиху как формату основных богословских символов, отражающих историю человеческой мысли, было нечего.

В светской литературе гоголевского времени тоже были примеры трихотомии, в частности в «Человеческой комедии» О. де Бальзака. Бальзак – современник Гоголя, в Европе первой половины XIX в. он решал те же нравственно-христианские задачи, что и русский писатель. Англоязычные авторы, знатоки творчества Гоголя Л. Стентон и Дж. Харди, видят в первом томе МД, так же как и в «Человеческой комедии», «каталог недостатков человеческого общества». Причем они проводят сравнение не только между Гоголем и Бальзаком, но и Гоголем и Дж. Чосером².

Точки зрения на роль Бальзака как вдохновителя Гоголя при написании трехчастной поэмы придерживаются некоторые современные отечественные филологи, в том числе профессор, заведующий кафедрой истории зарубежной литературы филологического факультета МГУ В.М. Толмачев.

За божественной поэтикой «Комедии» и «малых» сочинений Данте – «Новой жизни», «Пира» и «Монархии» – проступает образ не только поэта, но и философа-богослова. В своих произведениях флорентийский гений приводил цитаты и ссылки на знаменитые имена. Греческого языка Данте, в отличие от Гоголя, не знал, но все равно человеку сведущему было понятно, что написанию БК предшествовала гигантская подготовительная работа. Это попало в поле зрения молодого русского писателя еще в Петербурге. В материалах к лекциям в Санкт-Петербургском университете нашли отражение Древний Рим, Римская империя, Византия, Средневековье. Знания об этих цивилизационных вехах мировой и европейской истории приходили в Россию окольным путем и в опосредованной форме из греческих, латинских и южнославянских трактатов и рукописей, а также из немногочисленных зарубежных печатных книг, и с опозданием. Таким образом, сочинения Данте стали для молодого писателя своего рода путеводителем в универсальном пространстве.

Все говорит о том, что молодой Гоголь хорошо усвоил дантовские уроки научной проработки сочинений, ранее, как у романтика, у него не было такого вдумчивого отношения к науке, к возможности и необходимости соединения понятий художественного и научного. В первой половине 1830-х гг. начинающий писатель еще не прочитал всех «обязательных книг», положенных петербургскому интеллектуалу. Так писал П.В. Анненков, и его мысли, конечно же, разделяли А.С. Пушкин, В.А. Жуковский, а также А.О. Смирнова, литературная подруга знаменитых русских писателей. Гоголь прекрасно сознавал свою провинциальность и, отправляясь за границу, рассчитывал пройти «европейские университеты».

Этап чтения и углубленной работы над собой для Данте наступил после смерти Беатриче, тогда он пережил жизненный перелом, оставив поэзию и сосредоточившись на умственной и политической деятельности. Этому занятию, подорвавшему

¹ Шеллинг Ф.-В. Философия искусства М., 1966; Манн Ю. Поэтика Гоголя. Вариации к теме. М., 1996. С. 450–451.

² Stenton L., Hardi I.D. Interpreting Nikolai Gogol within Russian Orthodoxy. A Neglected Influence on the First Great Russian Novelist. N.Y., 2006. P. 137.

его здоровье, поэт отдал 1391–1395 гг., т.е. не менее пяти лет. Прежде всего, он изучал Библию, прочитав ее несколько раз. Взятая также за лучшие достижения античной философии, современной ему науки и теологии, обращаясь в том числе к каноникам религиозных школ во Флоренции. Кроме БК Данте в конце своего творческого периода написал «Монархию», изложив там свои воззрения на римскую государственность.

Не напоминает ли это судьбу Гоголя, особенно в период после лета 1840 г., когда в результате нервного кризиса, пережитого им в Вене, по дороге из России в Италию, писатель сделался во многом другим человеком? Дальнейшие 1840-е гг. были отмечены нарастанием гоголевских духовно-нравственных исканий. За плечами был первый том МД, надо было двигаться дальше, думать о том, втором, обещанном друзьям к 1844 г., а он засел за книги и провел за чтением около шести лет, не написав в эти годы ни одной художественной строчки. Более того, в 1844 г. писатель осудил свои сатирические произведения, перейдя со второй половины 1840-х гг. к публицистике и духовной прозе. Ярким подтверждением смены жанра явился выход в начале 1847 г. его эпистолярно-публицистического сборника «Выбранные места из переписки с друзьями» (ВМПД). Этой своей последней книге писатель, чувствующий нездоровье, придавал значение пробного шара, который вынужденно был пущен им вперед как провозвестник второго тома МД. То есть ВМПД, пусть в форме совсем неожиданной, но свойственной «позднему» Гоголю, явились продолжением первого тома «поэмы», символически названного дантовским.

Итальянские критики уделяют большое внимание источникам дантовского творчества и образу Алигьери как поэта-мыслителя. Причем их выводы помогают, на наш взгляд, пролить свет на некоторые недостаточно освещенные моменты гоголианы. Поначалу Данте углубился в философию Платона, открытую им благодаря трудам св. Прокла. Затем Алигьери решительно повернул к Аристотелю как «славному философу, которому Природа больше, чем другим, открыла свои секреты». В дантовское время уже существовали переводы на латинский язык «Политики», «Метафизики», «Логики», «Этики». Многие Данте почерпнул из разъяснений Альберта Великого, Аверроэса, Авиценны, а также неоплатоников. В конечном счете поэт возвел для Аристотеля пьедестал учителя, адресуя ему самые лестные эпитеты, вводя в текст «Комедии» аристотелевские рассуждения, толкуя целые отрывки из его сочинений, цитируя его и ссылаясь на него, причем не только в БК, но в «Пире» и «Монархии». Тем самым Данте, а до него Фома Аквинский, способствовал утверждению Аристотеля как главного итальянского мыслителя XIII–XIV вв. и эпохи Возрождения. Этот греческий философ нашел рецепт счастья людей, обладающих добродетелями, и поэтому заслужил непрекращаемый авторитет и всеобщее признание. В учении Аристотеля Данте особенно ценил диалектику и этику, в том числе определение политики как концентрированного выражения нравственности.

Ужели ты не помнишь изреченья
Из Этики, что пагубней всего
Три ненавистных небесам влеченья:
Несдержанность, злоба, буйное скотство?
(Ад. Песнь 11, 79–82)

Кроме того, поэт уделил большое внимание Плотину и его ученикам в Риме, принадлежавшим к Александрийской школе философии, а также представителям латинской патристики (св. Амвросию, св. Августину, св. Иерониму), больше других пре-

успевшим в соединении неоплатонизма с христианством. Много полезного флорентийский гений нашел в творениях представителей афинской школы неоплатонизма (кроме св. Прокла, это Дионисий Ареопагит, которого Данте цитирует), христианских отцов Церкви на Востоке (св. Василий Великий и св. Иоанн Златоуст) и пр.

Фома Аквинский, итальянский философ и теолог XIII в., окончательно связавший аристотелизм с западным христианством, стал вторым любимым мыслителем Данте. О св. Томасе Аквинате Данте особенно много вспоминает в «Пире», но поскольку это произведение специалисты считают наиболее аристотелевским (в нем имеется 80 упоминаний о греческом философе), то сам собой напрашивается вывод о том, что автор изучал Аристотеля не только по источникам, но также и главным образом на основе толкований св. Фомы.

Цена Аквината как философа-богослова и святого Римской католической церкви (его доктрина легла в основу догмы РКЦ), сам Данте так и не стал, однако, ни схоластиком, ни представителем какой-то другой философской школы или религиозного ордена. Он оказал Италии бесценную услугу, подарив ей и миру философию итальянского гуманизма и подготовив тем самым эпоху итальянского Возрождения и Нового времени.

Грандиозная эпопея дантовского путешествия отображена художниками-назарейцами в интерьерах Казино Джустиниани-Массимо (XVI в.) – дворца на одноименной Вилле, расположенной близ базилики Сан-Джованни-ин-Латерано. Гоголь бывал в этом дворцово-парковом комплексе, расположенном по соседству с виллой Волконской. Территорию своей виллы княгиня З.А. Волконская приобрела когда-то у семьи Карло Массимо. В 1819–1829 гг. интерьер нижнего этажа главного дворца был расписан художниками-назарейцами на сюжеты итальянской литературы. Вместе с русским поэтом В. А. Жуковским, посетившим Рим в 1838–1839 гг., Гоголь рассматривал зал Данте со сценами из БК, летящие под высокими сводами фигуры самого поэта, Вергилия, Беатриче, и, надо понимать, эти дантовские сюжеты отвечали эпическим поискам русского писателя.

Общественно-политическое мировоззрение Данте воплотилось почти во всех его главных трудах: сначала в «Новой жизни», затем в «Пире», где впервые излагаются дантовские взгляды на монархию, а потом в «Аде» и «Чистилище», получив наиболее полное выражение в трактате «Монархия». В общем и целом, Данте попытался ответить на три животрепещущих вопроса, вызывавших горячую дискуссию среди его современников:

- является ли монархия лучшей формой государственности для обеспечения счастья людей;
- каким было отношение древних римлян к их священному праву управлять империей;
- зависела ли власть монарха от бога или от его заместителей и окружения.

Данте утверждал, что поскольку речь идет об общественном сосуществовании, то ему соответствует всеобщая монархия, т. е. та форма государственности, которая способна обеспечить выработку всеобщего законодательства и его повсеместное исполнение. Нации, королевства, города с различным построением и уровнями власти и законов не отрицаются и продолжают существовать внутри империи. Но для общего баланса необходима фигура *Imperatore*, который один по природе вещей может реализовать то, что устраивает каждое судно, религиозный орден, полк, человеческое общежитие в целом. «Единственный абсолютный регулятор – это Император», – такую мысль вынес из чтения «Пира» современ-

ный итальянский автор Дж. Инглезе¹. Данте объясняет, каким образом сделать так, чтобы власть монарха не вступала в противоречие с принципами всеобщей монархии и общественного сосуществования. По его мнению, законы должны исходить от монарха, а все подданные обязаны им подчиняться на своем месте и уровне.

В качестве исходной модели Алигьери взял Римскую империю в эпоху Августа, которую считал образцовой. В значительной степени именно отсюда проистекает его убежденность в святости Рима и римлян, в провиденциальности их встречи с Сыном Божиим по его пришествии на Землю, в их сакральном праве на отправление императорской власти. Данте сознательно обратился к опыту прошлого, испытывая, как это справедливо подметил Гоголь, неудовлетворенность политической реальностью средневековой Тосканы.

Нарисовав в воображении образ совершенного государства, Данте, однако, навлек на себя критику за создание идиллии, абстрактность мысли и архаизм воззрений. И в то же время его хвалили за то, что он сумел высказать немало практических рекомендаций, которые оказались полезными для его современников и потомков. Так, он сформулировал принцип разделения властей, определивший соотношение монархии и папства. Он не отдает пальму первенства ни монархам, ни папам, полагая, что каждая из двух ветвей власти имеет божественное происхождение и каждая должна заниматься своим делом: монарх – заботиться о благосостоянии народа, а папа – о спасении человека, не вмешиваясь в отправление светской власти. Данте решительно противился извечному стремлению пап к верховенству над гражданскими и политическими делами:

Неужель

Не видишь ты, что церковь, взяв обузу

Мирских забот, под бременем двух дел

Упала в грязь, на срам себе и грузу?

(Чистилище. Песнь 16, 124–127).

Величие Данте как национального поэта Италии его потомки видят в том, что Алигьери первым оценил латинскую традицию и призвал заложить ее в фундамент развития Европы. Единодушное признание мирового значения творчества Алигьери связывается ими с философией Возрождения – идеями античного антропоцентризма и гуманизма, с преодолением средневекового теоцентризма и, вместе с тем, с высотой морального-религиозного сознания, ясностью и взвешенностью мысли, универсальностью духовных интересов, широчайшей эрудицией поэта.

Вместе с тем единого подхода к Данте-мыслителю среди европейских исследователей не было и нет. Его иногда критикуют за эклектизм и даже за то, что он взялся не за свое дело. За те моменты, когда потребность размышлений в нем так разрасталась, что становилась сильнее и настойчивей, чем его поэтический инстинкт, нередко подавляемый. Причем попытки отдаться спекуляциям и размышлениям не означали, что Данте превратился в оригинального мыслителя, подлинного философа и ученого, который мог бы сравниться с величием Данте-поэта. Так полагали критики, и Данте им не возражал. Он был свободен от всякой заносчивости и ретивости и соглашался с тем, что рожден, прежде всего, поэтом².

Самовоспитание, которому подверг себя Данте, вопросы, которые он поставил и на которые попытался дать ответ в своих «научных стихах», в значительной сте-

¹ *Dante Alighieri*. Convivio. Premizio di G. Inglese. Milano, 2015. P. 24.

² *Chimenz Siro A.* Alighieri, Dante: treccani.it/enciclopedia/dante-alighieri-(Dizionario-biografico); Dizionario biografico degli italiani. Istituto Giovanni Treccani. Vol. 2. Roma, 1960.

пени напоминают все то, что предписал себе Гоголь и что он попытался донести до читателя на страницах своей последней книги. В отечественной литературе, начиная с конца XX в., утвердилось мнение, что Гоголь в своих воззрениях по вопросам монархии, общества, церкви вел линию от «Государства» Платона до «Монархии» Данте Алигьери¹. Однако далеко не все разделяют такую точку зрения.

На наш взгляд, причину этого обстоятельства можно связать с нашими недостаточными пока знаниями источников мысли «позднего Гоголя» и тех выводов, к которым он пришел. Попытка более подробно разобраться в этом аспекте сделана в нашей новой монографии².

Гоголь прочитал все то, что читал Данте, от Библии (которую буквально не выпускал из рук) до античных философов и св. учителей, отцов Церкви. Как человек, принадлежавший к более поздней исторической эпохе, он бросил взгляд и на авторов «промежуточных» веков, обнаружив в их творчестве много важного и полезного, без чего нельзя было обойтись мыслителю в первой половине XIX в. Но опыт Алигьери остался для русского писателя одним из краеугольных, сравнимых, может быть, только с наследием школы французских моралистов XVII в., Французского Просвещения, а также со святоотеческой литературой. Ее Гоголь изучал досконально и, по всей видимости, в большей степени, чем его литературные предшественники.

Думается, что опыт Данте как мыслителя и богослова убедил будущего автора МД прежде всего в том, что всякое произведение литературы, претендующее на европейский и мировой успех, должно опираться на исторические и современные достижения мысли и науки, на христианскую нравственность. Вдохновляясь примером великого флорентийца, апеллируя к прошлому Западной Европы, истории славян и России, русский писатель не примкнул ни к одной школе или течению и всегда стремился излагать читателю свои, т. е. гоголевские, воззрения. Так появилась на свет та «русская идея» религиозно-нравственного содержания, которая нашла отражение в ВМПД.

Вознамерившись отойти от художественной литературы и стать (вернее, возвратиться, помня опыт «Арабесок» 1835 г.) на путь публицистики, Гоголь многое пережил в связи с провалом ВМПД у русской публики. Многие подняли тогда шум, якобы, из-за потери им художественного таланта и злоупотребления правом поучать и выступать в роли проповедника. В конечном счете, пережив горькое разочарование в себе самом и в своей книге, униженный и оскорбленный, хотя решительно этого не признавший, твердивший, что слово и есть главная служба писателя, Гоголь решил вернуться к литературе художественных образов. Но обстоятельства не позволили ему пройти этот путь до конца.

В трактовке феномена русской империи в ВМПД Гоголь столкнулся с самобытной традицией русской государственности, в чем-то похожей или совершенно непохожей на империю Августа или Византийскую империю. Московское царство не смогло бы одержать все свои победы, – от собирания русских земель до реформ Петра I, – если бы оно не опиралось на самодержавие. Данте приветствовал

¹ О зависимости взглядов Гоголя от «Монархии» Данте писал дореволюционный исследователь Н.И. Черняев, а от платоновского «Государства» – современный петербургский гоголевед Е.И. Анненкова: *Черняев Н.И.* Необходимость самодержавия для России, природа и значение монархических начал. Этюды, статьи и заметки. Харьков. 1901. С. 316–329; *Анненкова Е.И.* Гоголь и русское общество. СПб., 2012. С. 227. О перекличках во взглядах Гоголя на русское государство с целым рядом русских авторов его времени см.: *Сартаков Е.В.* Консервативная идеология в публицистике Гоголя и русской журналистике 1840-х годов. М., 2014. С. 18.

² *Мусатова Т.Л.* Новая книга о Гоголе в Риме. Т. 2. М., 2020.

самодержавие, но для того, чтобы разобраться во всех тонкостях русской истории, воззрений Данте было недостаточно, надо было обращаться к Библии, Ветхому Завету, святоотеческой литературе, как греческой, так и восточной. Ведь и Данте многое взял именно оттуда. Из Библии Гоголь узнал о монархии более древней, чем Римская. Не обошел он стороной и историю Русской Православной Церкви, уникальную в том, что РПЦ венчала царей – помазанников Божиих на царство. Взял Гоголь на заметку то учение об абсолютной просвещенной монархии эпохи Людовика XIV, для разработки которого многое сделал философ-моралист священник Ж.-Б. Боссюэ (XVII в.), высоко чтимый династией Романовых. Кроме того, писатель обратился к русскому богословию синодального периода, к учению митрополита Филарета о священном царстве, поскольку подходы писателя и Филарета во многом совпадали.

Объединение трех начал – идеи священного царства митрополита Филарета, восходящей к библейским преданиям, пушкинского законодательного «дерева» и «византийской симфонии», о которой Гоголь, надо думать, узнал из 6 Новеллы Юстиниана¹, хотя и не ссылаясь на нее, – таково было, на наш взгляд, содержание гоголевской мысли. Царь – «полномощный монарх... выше самого закона... Нужна высшая мудрость, умягчающая закон, которая может явиться людям только в одной полномощной власти» (VIII, 253). Одновременно царь – «капельмейстер оркестра» и защитник, покровитель церкви, на которую опирается, не вмешиваясь в ее каноническое поле. Заметим, что приведенная здесь якобы цитата из Пушкина существовала только в воображении Гоголя. Ему было важно опереться на какой-то бесспорный русский авторитет, чтобы противопоставить дантовской идее законодательства и его буквального исполнения, как это до сих пор характерно для Запада, свою идею законодательства, умягченного в духе христианства. В том же, что касается признания власти единого императора, разделения власти светской и духовной, верховенства закона, Гоголь был согласен с Данте, он только подкрепил его мысли ссылками на более древние источники, равно как на воззрения его последователей от Ж.-Б. Боссюэ до А.С. Пушкина. Но божественная природа самодержавной власти и роль церкви, которую Гоголь возвышал, это была собственная идея русского писателя, в чем-то отличная от дантовской мысли и дантовского времени.

«Комедия» Алигьери, которую Гоголь постоянно держал в руках при написании первого тома МД, основана на понятии нравственности, предшествовавшей эпохе Французского Просвещения. В ней отражалось сильное авторское начало в духе идей Нового гуманизма и раннего Возрождения. Как говорил Данте, «любовь, несомненно – самая большая сила». Смирение, которому поклонялся «поздний Гоголь», с детства приверженный религии, а в поздний период творчества – страстный православный верующий, по Данте – не безусловная добродетель. Необходима победа в бою, приносящая славу и почет. Идеал для поэта – дух пытливости и самоотверженности, которые в совокупности с талантом и добродетелями побуждают к дерзаниям и героическим свершениям. От страстей же спасает разум, а знание Бога – необходимое условие спасения души и достижения вечного блаженства.

Гоголь был горячим поклонником идей Возрождения, он полностью воспринял дантовскую мысль о любви, «всех прекраснейшей страсти». Он также, должно

¹ *Асмус В., прот.* История вселенской церкви. Отношения церкви и государства по законам императора Юстиниана I (Великого): <http://portal-slovo.ru/teology/4155.php> (дата обращения: 15.08.2019).

быть, восторженно отнесся к идее победы над греховностью с помощью разума, принадлежавшей Аквинату и воспринятой Данте.

Однако в процессе все большего проникновения в дух и букву православного богословия в Москве по возвращении из Италии, обдумывая тот путь, по которому он поведет своих литературных героев к Спасению, писатель явственно осознал, что догматы Спасения в разных ветвях христианства могут быть разными. При посещении Оптиной Пустыни в начале 1850-х гг. Гоголь восхитился словом св. Исаака Сирина о том, что «воздаяние бывает не добродетели и не труду ради нее, но рождающемуся от них смирению»¹. Тем не менее, уезжая из Оптиной Пустыни в 1851 г., Гоголь оставил записку: «Одно только здесь ясно, что крест дан Тем, Кто дает благо, благо в разных видах, или в виде ясного понятного нам счастья, или в виде тяжкого непостижимого для нас страдания. В таком убеждении великая сила; но и эту силу мы получаем от Бога»².

Как видим, писателю совсем не легко было отказаться от дантовских идеалов. Кому как не Гоголю было понятно, что без столь «полезной страсти», как данный Богом талант, не совершить «земное великое поприще», «все равно, в мрачном ли образе», т. е. в жанре сатиры, или в образе «светлого явления, возрадующего мир» (VI, 242). О том, что только большие и добрые страсти позволяют художникам создавать великие произведения, говорили св. отцы Церкви и европейские мыслители первой половины XIX в. (св. Исаак Сирин, свт. Григорий Палама, а также Кант³ и др. философы).

Гоголь умер, не успев расставить все точки над *i*. Однако тот факт, что раздумья русского писателя отталкивались от наследия его великого итальянского собеседника, несет глубочайший смысл и открывает поле для дальнейших многообещающих поисков.

ЛИТЕРАТУРА

Анненков П.В. Гоголь в Риме летом 1841 года // Анненков П.В. Литературные воспоминания. М.: Гослитиздат, 1960.

Анненкова Е.И. Гоголь и русское общество. СПб.: Росток, 2012. 752 с.

Асмус В., прот. История Вселенской церкви. Отношения церкви и государства по законам императора Юстиниана I (Великого): <http://portal-slovo.ru/teology/4155.php> (дата обращения: 15.08.2019).

Виноградов И.А. Гоголь – художник и мыслитель. Христианские основы мировоззрения. М.: ИМЛИ РАН. Наследие, 2000.

Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. / Гл. ред. чл.-кор. АН СССР Н.Л. Мещеряков; Акад. наук СССР. Ин-т лит-ры (Пушкинский дом). М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1937–1952.

Голенищев-Кутузов И.Н. Творчество Данте и мировая культура. М.: Наука, 1971. 552 с.

Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // Кант И. Соч.: В 6 т. Т. 6. М.: Мысль, 1966. 588 с.

Манн Ю. Поэтика Гоголя. Вариации к теме. М.: Coda, 1996. 474 с.

¹ Сирин Исаак, св. Слова подвижнические. [Б.г., б.м.]. Ст. 34.

² Цит. по: *Виноградов И.А.* Гоголь – художник и мыслитель. Христианские основы мировоззрения. М., 2000. С. 145.

³ Нравственное учение св. Отца нашего Исаака Сирина // Подвижники благочестия, процветавшие на Синайской горе и в окрестностях. СПб., 1866. Ст. 4; *Палама Григорий, свт.* Триады в защиту священо безмолствующих. М., 1995. С. 180–183; *Кант И.* Антропология с прагматической точки зрения // Кант И. Соч.: В 6 т. Т. 6. М., 1966. С. 350–588.

Мусатова Т.Л. Гоголь, З. Волконская и «социальное христианство» // Творчество в диалоге культур. XIV Гоголевские чтения. М.; Новосибирск, 2015. С. 223–232.

Мусатова Т.Л. Новая книга о Гоголе в Риме. 1837–1848. Мир писателя, «духовно-дипломатические дела», эстетика, поиски социального служения: В 2 т. М.: ПРОБЕЛ-2000; БукСМарт, 2017–2020.

Т. 1: В Риме. 1837–1843. М., ПРОБЕЛ-2000, 2017. 428 с.; Т. 2: Между Римом и «другими краями Европы». 1843–1847. М.: БукСМарт, 2020. 672 с.

Палама Григорий, св. Триады в защиту священно-безмолствующих. М., 1995.

Подвижники благочестия, процветавшие на Синайской горе и в окрестностях. К источнику воды живой. Письма паломницы IV в. СПб., 1866.

Сартаков Е.В. Консервативная идеология в публицистике Гоголя и русской журналистике 1840-х годов. М., 2014. 128 с.

Сартаков Е.В. Трактат Данте «Монархия» и теория государственности в публицистике Гоголя // Семнадцатые Гоголевские чтения. Творчество Н.В. Гоголя в контексте европейских культур. Взгляд из Рима. Рим, 30.03.–01.04.2017. М.; Новосибирск, 2018. С. 132–143.

Сирин Исаак, св. Слова подвижнические. [б.г., б.м.]

Современник. СПб., 1837. Вып. 5. Т. 1.

Шевырев С.П. Дант и его век. Исследование о Божественной комедии Адъюнкт-Профессора С. Шевырева // Ученые записки Императорского Московского университета. М., 1833: Ч. V. С. 307–363; VI. С. 509–543; М., 1834: Ч. III. № VII–XI. Февраль. № 8. С. 336–373; Март. № 9. С. 550–575.

Черняев Н.И. Необходимость самодержавия для России, природа и значение монархических начал. Этюды, статьи и заметки. Харьков, 1901.

Cesare A. Belezze di D. C. di D.A. Verona, 1824–1826.

Chimenz Siro A. Alighieri, Dante. Vol. 2. Roma, 1960: [http://treccani.it/enciclopedia/dante-alighieri-\(Dizionario-biografico\)](http://treccani.it/enciclopedia/dante-alighieri-(Dizionario-biografico))

Chiose alla cantica dell'Inferno di Iacopo Alighieri. A cura di Lord Vernon. Firenze, 1848.

Colomb de Batines P. Bibliografia dantesca: In 2 volumi. Prato, 1845–1846.

Comento di Pietro Alighieri / A cura di V. Nannucci. Firenze, 1845.

Dante Alighieri. Convivio. Premizio di G. Inglese. Milano, 2015.

Dante Alighieri. De Monarchia libri III. Firenze, 1841.

Delle prose e delle poesie liriche di Dante Alighieri / Ed. by A. Torry. Oxford, 1844.

Encyclopedia Dantesca. Bibliografia. Lingua e Stile. Opere. Istituto Giovanni Treccani. Roma, [1984].

Foscolo U. Discorso Sul Testo e Sulle Opinioni Diverse Prevalenti Intorno la Storia e alla Emendazione Critica della D.C. di D. Londra, 1825.

Gioberti V. Del primato morale e civile degli italiani. Bruxelles, 1843.

Memorie intorno la vita di D. Alighieri scritta da un italiano vivente. Firenze, 1844.

Opera complete [di Dante Alighieri] / A cura di S. Rhéal. Paris, 1843.

Opere minori di Dante Alighieri. Firenze, 1839.

Stenton L., Hardi I.D. Interpreting Nikolai Gogol within Russian Orthodoxy. A Neglected Influence on the First Great Russian Novelist. N.Y., 2006. 309 p.

Vita nuova / A cura di E.J. Delécluze. Paris, 1841.

REFERENCES

Annenkov P.V. Gogol in Rome in the summer of 1841. In: Literary memories. Moscow. Goslitizdat Publ. 1960.

Annenkova E.I. (2012) Gogol and Russian Society. St. Petersburg. Rostok Publ. 752 p.

Asmus V., archpriest. History of the Ecumenical Church. Relations between the Church and the State under the Laws of Emperor Justinian I (the Great): <http://portal-slovo.ru/teology/4155.php> (date accessed: 15.08.2019).

Vinogradov I.A. (2000) Gogol – the Artist and Thinker. Christian Foundations of World-view. Moscow. IWL RAS Press. Nasledie.

Gogol N.V. The Complete Works / Editor-in-chief, Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences N.L. Meshcheryakov; USSR Academy of Sciences. Institute of Literature (Pushkin House). Moscow. USSR Academy of Sciences Press, 1937–1952.

Golenishchev-Kutuzov I.N. (1971) Dante's Creativity and World Culture. Moscow. Nauka. 552 p.

Kant I. Anthropology from a Pragmatic Point of View. In: Kant I. The Works: In 6 vols. Vol. 6. Moscow. Mysl Publ. 1966. 588 c.

Mann Yu. (1996) The Poetics of Gogol. Variations to the Theme. Moscow. Coda Publ. 474 p.

Musatova T.L. Gogol, Z. Volkonskaya and "Social christianity". In: Creativity in the Dialogue of Cultures. XIV Gogol's Readings. Moscow; Novosibirsk. 2015, pp. 223–232.

Musatova T.L. A New Book about Gogol in Rome. 1837–1848. Writer's World, "Spiritual and Diplomatic Affairs", Aesthetics, Searches for Social Action: In 2 vols. Moscow. PROBEL-2000; BukSMart, 2017–2020.

Vol. 1: In Rome. 1837–1843. Moscow. PROBEL-2000 Publ. 428 p.; Vol. 2: Between Rome and "Other Parts of Europe". 1843–1847. Moscow. BukSMart Publ. 2020. 672 p.

Palamas Gregory, St. (1995) Triads in Defense of the Sacred-Silent. Moscow.

Ascetics of Piety Who Has Being Flourished on Mount Sinai and in the Surrounding Area. To the Source of Water Alive. Letters of the 4th Century Pilgrim. St. Petersburg. 1866.

Sartakov E.V. (2014) Conservative ideology in Gogol's publicistics and Russian journalism of the 1840s. Moscow. 128 p.

Sartakov E.V. Dante's "Monarchy" and the State Theory in Gogol's Publicistics. In: N.V. Gogol's Creativity in the Context of European Cultures. The 17th Gogol's Readings. Moscow; Novosibirsk. 2018, pp. 132–143.

Sirin Isaac, St. Ascetic Words. [Without a year. Without a place]

Sovremennik. St. Petersburg. 1837. Issue 5. Vol. 1.

Shevyrev S.P. Dant and His Epoch. Study on the Divine Comedy of Adjunct Professor S. Shevyrev. *Scientific Notes of the Imperial Moscow University*. Moscow. 1833: Part V, pp. 307–363; VI, pp. 509–543; Moscow. 1834: Part III. No VII–XI. February. No 8, pp. 336–373; March. No 9, pp. 550–575.

Chernyaev N.I. (1901) The Need for Monarchy for Russia, the Nature and Significance of Monarchical Principles: Studies, Articles and Notes. Kharkiv.

Cesare A. Belezze di D. C. di D.A. Verona. 1824–1826.

Chimenz Siro A. Alighieri, Dante. Vol. 2. Roma, 1960: [http://treccani.it/enciclopedia/dante-alighieri-\(Dizionario-biografico\)](http://treccani.it/enciclopedia/dante-alighieri-(Dizionario-biografico))

Chiose alla cantica dell'Inferno di Iacopo Alighieri. A cura di Lord Vernon. Firenze. 1848.

- Colomb de Batines P. Bibliografia dantesca: In 2 volumi. Prato. 1845–1846.
- Comento di Pietro Alighieri / A cura di V. Nannucci. Firenze. 1845.
- Dante Alighieri. Convivio. Premizio di G. Inglese. Milano. 2015.
- Dante Alighieri. De Monarchia libri III. Firenze. 1841.
- Delle prose e delle poesie liriche di Dante Alighieri / Ed. by A. Torry. Oxford. 1844.
- Encyclopedia Dantesca. Bibliografia. Lingua e Stile. Opere. Istituto Giovanni Treccani. Roma. [1984].
- Foscolo U. Discorso Sul Testo e Sulle Opinioni Diverse Prevalenti Intorno la Storia e alla Emendazione Critica della D.C. di D. Londra. 1825.
- Gioberti V. Del primato morale e civile degli italiani. Bruxelles. 1843.
- Memorie intorno la vita di D. Alighieri scritta da un italiano vivente. Firenze. 1844.
- Opera complete [di Dante Alighieri] / A cura di S. Rhéal. Paris. 1843.
- Opere minori di Dante Alighieri. Firenze. 1839.
- Stenton L., Hardi I.D. (2006) Interpreting Nikolai Gogol within Russian Orthodoxy. A Neglected Influence on the First Great Russian Novelist. N.Y. 309 p.
- Vita nuova / A cura di E.J. Delécluze. Paris. 1841.

Сведения об авторе:

Татьяна Леонидовна Мусатова,
канд. ист. наук
ст. преподаватель
факультет мировой политики
МГУ имени М.В. Ломоносова

Tatyana L. Musatova,
PhD (History Sciences)
Senior Lecturer
Faculty of World Politics
Lomonosov Moscow State University
tat.musatova@gmail.com